

Н. В. ПЕСТОВА

(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург)

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ
И «ПИСАТЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
В ВЕНЕ 1918 ГОДА**

События ноября 1918 г., последовавшие после военного поражения, как известно, принесли Австро-Венгрии колоссальные изменения, а именно распад самой Дунайской монархии и смену формы государственного правления, отречение последнего габсбургского императора и отмену всех привилегий дворянства, новый демократический порядок выборов на всех уровнях государственной власти и переход ведущей политической роли к социал-демократии. Но все эти грандиозные события, означавшие разрушение старой системы, произошли не в результате движения или восстания народных масс, без баррикад и кровопролития, что дало повод говорить не о революции в Вене, а о перевороте. Однако столь «прозаическая трактовка событий» совершенно не устраивала некоторых венских литераторов [Fischer 1994: 19].

Статья Людвиг Рубинера «Поэт вторгается в политику» («Der Dichter greift in die Politik»), опубликованная в берлинском журнале «Die Aktion» еще в 1912 г. и ставшая своеобразным манифестом «левого экспрессионизма», служила ориентиром и для радикально настроенных литераторов, которые пытались оказаться в самом центре происходящего в Вене. Однако, в отличие от немецких представителей «активизма», непосредственно участвовавших в революционных событиях Германии, в Австрии революционные битвы разворачивались в основном на страницах газет и журналов. Так, венский журнал «Ver!» (издавался в 1917–1921 гг.) в дни революционных событий 1918 г. поставил себя на службу политической агитации и заменил в своем подзаголовке слова «современный дух» на «революционный дух». В одной из статей журнала прозвучал призыв, на который и откликнулись многие венские литераторы: «Революция нуждается в интеллектуальных вождях, чье духовное превосходство придаст форму хаосу, укажет энергии масс необходимую цель и поможет духу победить насилие» [Sonnenfeld 1918: 357].

Аналогичные цели ставил себе и журнал «Der Mensch», основанный Л. Рейсом и ставший очень заметным печатным органом на пестрой послевоенной издательской сцене. Он регулярно выходил всего лишь в течение 1918 г. (номера 1–11/12), и не в столице бывшей монархии, а в провинции — в Брюнне, в Судетах, но за год высоко поднял планку литературной полемики об экспрессионизме. Тематами публикаций стали основные лозунги этого кризисного года: обновление, очищение, избавление, примирение, новый человек. Журнал взывал к объединению под знаком «новой религии общечеловеческого духа», а самого Л. Рейса более всего заботило объединение народов Европы после разрушительной войны; он призывал чехов, французов к «преодолению ненависти между народами и национальностями», выступал за «братство, демократию и единение народов» [Reiß 1918a: 131]. Ратуя в год великого потрясения и разочарования за гуманизм, за новую, всеохватную человеческую культуру и объединение человечества, издатель прекрасно понимал недолговечность журнала, т. к. его призыв в первом номере «по-честному оставаться деятельным на поприще духа» [Reiß 1918b: 16] к концу года уже звучал как очевидно утопичный.

Ситуация с политизированными писателями 1918–1919 гг. в Вене до сих пор детально не изучена; одной из немногих работ об этом периоде является исследование Э. Фишера [Fischer 1994], которым мы руководствуемся при оценке данных событий. Оно было подготовлено к симпозиуму «Экспрессионизм в Австрии», состоявшемуся в 1992 г. по инициативе Института германистики Клагенфуртского университета, а два года спустя, по его следам, А. А. Валлас и К. Аман издали крупный коллективный междисциплинарный труд «Экспрессионизм в Австрии: литература и искусство», в котором были широко и многогранно представлены различные исследовательские перспективы общей интерпретации эпохи. Дискурсивный характер статей этого коллективного тома позволил рассматривать литературу австрийского экспрессионизма как в контексте новых устремлений других видов искусства: живописи, музыки, танца, кино, так и в контексте ее социально-исторических, политических и духовных изменений. В указанной статье Э. Фишера детально проанализирован ярко выраженный в этот период симбиоз эстетических, социально-политических и идеологических позиций литературы австрийского экспрессионизма. Однако в оценке этого периода экспрессионистской литературы Германии и Австрии, стоявшей в 1918–1920 гг. в самом центре художественных интересов, наблюдается кардинальное разногласие. Часть литературоведов полагают, что именно в эти годы экспрессионизм достиг своего внешнего кульминационного пункта, другие, напротив, считают, что именно с Ноябрьской революции 1918 г., создания Баварской советской республики в Германии 1920 г. и участия в ней экспрессионистов начался закат движения [Kreuzer 1971: 56]. «Там, где

экспрессионизм попытался поставить свои чувства и мысли с головы на ноги, то есть перековать свой призыв к братству в политические действия, он потерпел поражение» [Glaser 1971: 24].

Но австрийскую «революционную ситуацию» нельзя отождествлять с немецкой: в Австрии не возникло «Республики писателей» по типу Мюнхенской Республики Советов Эйснера, Мюзамы, Ландауэра и Толлера. Она отличается от немецкой так же, как австрийский экспрессионизм отличается от немецкого: в австрийском «дерзкие эстетические эксперименты соседствовали и уживались с политической и этической консервативностью» [Гугнин 2008: 28]. Эта амбивалентность австрийского экспрессионизма в отношении к традиции и ко всему новому, его диалектика разрушения и созидания сказались и на характере участия венских экспрессионистов в событиях ноября 1918 г. Австрийский писатель Роберт Мюллер еще в 1912 г. на страницах первого номера венского журнала «Der Ruf» давал в этом отношении прогноз: «Все будет происходить на готический лад» [Müller 1912: 4].

В Вене, в отличие от Берлина или Мюнхена, скорее существовала пестрая, спонтанно действующая кучка радикально настроенных интеллектуалов, представителей утонченной венской богемы, зараженных анархизмом в разных формах его проявления. Среди них оказались и некоторые писатели, многих из которых современное литературоведение относит к экспрессионистскому поколению. Им было свойственно полное отсутствие респекта «на готический лад», о котором говорил Р. Мюллер. Эта специфическая венская ситуация, в которой вызревали протестные настроения, хорошо описана Г. Кройцером в книге о богеме [Kreuzer 1971]. Общая атмосфера богемности в Австрии, где наиболее существенным было не поступательное развитие, а непрерывное изменение, создала тот благодатный климат, в котором авангардистские мысли, программы и художественные образцы формировались и усваивались невероятно быстро. Плакатный радикализм и парадоксальное мышление ценились превыше всего. Г. Бар в статьях о модернизме запечатлел эту особенность богемы: «Это было время, когда каждый, у кого вообще имелись какие-то литературные мнения, взгляды, желания, в мгновение ока издавал сложную громоздкую программу из напыщенных фраз, и если только он не забывал приложить к ней добросовестно и с любовью написанную автобиографию и точное указание произведений, которые он намерен издать в ближайшие годы, то он незамедлительно провозглашался своими собратьями новым и еще более достойным Лессингом или Гёте. Это было время революционных лилипутов в литературе» [Bahr 1894: 49].

Пропагандируемый берлинским «Неопатетическим кабаре» «экстравагантный индивидуализм», эксклюзивное положение каждой отдельной творческой личности, программный витализм и противостояние официальной культуре сближают литераторов-

экспрессионистов со стилем жизни и мироощущения богемы. Как богема, так и экспрессионизм представляют собой сферу проявления своевольного и революционного таланта, напитанного идеями нигилизма. В основных своих мировоззренческих и эстетических компонентах — критичности и агрессивности, нигилизме и циничности — оба явления практически совпадали. Большинство экспрессионистских манифестов этого периода, уподобляясь богемному радикализму, носили характер яростных гипербол: «Наша психология покажется вам скандальной. Наш синтаксис задушит вас. Мы собьем вас с толку и будем улыбаться улыбкой авгуров» [Hardekopf 1960: 125].

Интерес к «униженным и оскорбленным» всех разновидностей, от национальных, этнических и классовых аутсайдеров до больных, преступников, алкоголиков и умалишенных, от носителей более свободной морали, поклонников Эроса, до жертв двойной морали общества, сближает богемные круги и экспрессионистское поколение писателей. Оба явления имеют много общего и в их парадоксальных противоречиях. Таким парадоксом видится их одновременная приверженность к ярко выраженному эгоцентризму, индивидуализму, с одной стороны, и к страстному стремлению к братству, родству со всем миром — с другой. Революционно-утопические призывы к единению и глорификация «общечеловеческого идеального будущего» соседствуют с анархистскими воззваниями или циничными лозунгами. Известная строка Ф. Верффеля «Тебе родным быть, человек, моя мечта!» («Mein einziger Wunsch ist, dir, o Mensch verwandt zu sein!») [Werfel 1967: 62] столь же характерна для экспрессионистской лирики, как и циничное утверждение Г. Бенна: «Вершина творенья, свинья, человек» («Die Krone der Schöpfung, das Schwein, der Mensch») [Benn 1996: 88].

Пацифизм, зародившийся во время войны, также владел умами писателей. Но не было ни идеологов, ни политических стратегов на сцене реальных событий, а основным намерением было «использовать создавшуюся ситуацию и по возможности обратить переворот в революцию» [Fischer 1994: 32]. Пафос экспрессионистского мировидения оказался весьма питательной почвой для возникновения беспорядков в Вене, но и там, где события вообще никак не пересекались с писательством, этим событиям инкриминировали мотивацию, питающуюся «духом экспрессионизма». Тем самым надолго был дезавуирован его этический потенциал, а его эстетическому значению был нанесен ущерб, что ускорило его конец и переход к другим стилевым парадигмам [Ibid.: 42]. Революционный энтузиазм некоторых литераторов со страниц газет и журналов все же вылился в самые неожиданные формы реального участия в беспорядках. Но атаки на буржуазию, крайне далекие от реальности и естественного хода событий, показали, что вторжение поэта в политику именно в Вене в этот момент потерпело полный крах

[Fischer 1994: 43]. Издатель и редактор журнала «Ver!» К. Ф. Кочмата, избранный в ноябре 1918 г. в солдатский комитет Венского гарнизона, два года спустя назвал деятельность венских литераторов во время этих событий «опошлением» самой революционной мысли, а авторов «экспрессионистских словесных судорог» — «революционерами-конъюнктурщиками» [Цит. по: Кудрявцева 2008: 119].

А. Шницлер осенью 1918 г. сделал запись в дневнике о своем негативном отношении к разграблению вилл в предместьях Вены. Участники событий, по его мнению, — «сплошной сброд и идиоты» [Цит. по: Fischer 1994: 21]. Как известно, планы преобразования и улучшения мира были ему чужды, он считал веру в человечество абсурдной, поэтому крайне жестко высказался о литераторах без всякого литературного таланта: в погоне за сенсацией они возомнили себя главной движущей силой революционных событий, которые точнее было бы называть беспорядками [Ibid.]. При этом Шницлер не увидел в их поступках ни малейшей идеи — «сплошной журнализм» — и называл их позицию «литературным большевизмом» [Ibid.]. К активным «литературным большевикам» он причисляет целый ряд известных австрийских писателей: А. П. Гютерсло, Ф. Блая, Ф. Верфеля, А. Эренштейна. А. Шницлер был серьезно озабочен тем, что литераторы «играют опасную роль в распространении большевистской заразы»; «связь черни с литераторами»; как он считает — это «мешанина из оппортунизма, снобизма, лживости и бесстыдства» [Ibid.].

Организатором и активным участником «Красной гвардии», вооруженной организации, которая позиционировала себя как «устрашение и ужас буржуазии» в ноябре 1918 г., был пражанин Эгон Эрвин Киш. Именно противоречивая фигура Киша определяла общую картину революционно настроенных литераторов, а «Красная гвардия» послужила эффектным кулисами для его героической романтики, которую позже назвали «псевдорадикальной» позицией [Ibid.: 24]. Как бывший офицер он активно участвовал во всех событиях революционного ноября, в частности в захвате редакции газеты «Neue Freie Presse». 12 ноября перед зданием парламента раздались выстрелы, и кровь все-таки пролилась, несколько человек погибли, было много раненых, и хотя позже Э. Киш отрицал вину «Красной гвардии» в этом кровопролитии, это не помогло: «негативная роль писателей была слишком очевидна» [Ibid.: 23].

Вторым видным деятелем этих дней стал, как ни странно, поэт Франц Верфель, также пражанин: а ведь еще в январе 1917 г. в открытом письме Курту Хиллеру, идеологу активизма и приверженцу поступка, Верфель четко сформулировал свой отказ следовать активизму. Накануне ноябрьских событий он совершил поездки в Швейцарию для выступления с докладами, демонстрируя свои революционные настроения, при этом примером ему служила большевистская Россия, где, казалось, дух и социализм слились в единое

целое. Во время одного из выступлений он крикнул публике: «Товарищи! То, что сегодня называют искусством, всего лишь переливающееся жирное пятно на капиталистическом супе!» [Цит. по: Никифоров 2009: 332]. Но в самой гуще венских беспорядков он оказался потому, что близко дружил с Э. Кишем. Непосредственное участие Верфеля в событиях заключалось в том, что он расхаживал по улицам с красным флагом или читал стихи перед участниками «Красной гвардии» и революционными социалистами. Ораторский талант Верфеля обратил на себя внимание властей: во время одной из своих речей он пообещал, что скоро они станут сильными и будут владеть всем. Он был задержан, но вскоре отпущен, так как ему удалось убедить полицию, что прежде всего он преследовал цель отговорить массы от насильственных действий [Fischer 1994: 25]. Полиция отпустила его как миролюбивого толстовца. Очевидно, что участие Верфеля в революционных событиях Вены было чистой случайностью: приверженец христианства и один из основных носителей мессианских идей экспрессионизма, он отличался небывалым анархизмом чувств и страстно искал им выход. Поэтому он очень скоро полностью отошел от политики, но не столько из страха перед полицией, сколько из-за крайнего недовольства своей жены Альмы Малер. Десять лет спустя в романе «Барбара, или Благочестие» («Barbara, oder die Frömmigkeit», 1929) он крайне иронично изобразил венскую богему, «теневое царство» анархистов и так называемых венских революционеров образца осени 1918 г.

Среди «венских революционеров» и леворадикально настроенных венских экспрессионистов был и поэт-анархист Гуго Зонненшайн, более известный под псевдонимом Брат Сонка. В начале ноября 1918 г. он также вступил в «Красную гвардию» и вместе с А. Эрнштейном, Ф. Верфелем, Я. Морено-Левитом и Ф. Ламплом основал в Вене «Товарищеское издательство» («Genossenschaftsverlag»), которое с 1918 г. издавало экспрессионистские журналы социалистической направленности «Daimon», «Der neue Daimon», «Die Gefährten». Именно эти журналы предлагали программу «трансформации мира войны в мир социальной справедливости». Но и Зонненшайн, как и большинство участников событий, очень скоро разочаровался в революционных идеях и даже предупреждал рабочих: «Берегитесь поэтов, которые полны тщеславия вести вас куда-то» [Цит. по: Fischer 1994: 31].

Среди этого, по выражению Шницлера, «развращенного литературного народа» [Ibid.] важное место занимали Ф. Блай и А. П. Гютерсло. Их тоже видели на улицах Вены с красными бантами, но свои усилия и они сосредоточили в основном на выпуске журнала «Die Rettung» с начала декабря 1918 г. В статье «Кто убийца?» Гютерсло возмущается тем, что в кровопролитии обвинили писателей Э. Киша, А. П. Гютерсло и Ф. Верфеля, и удивляется: «Нас считали никем, а теперь пытаются возвысить на целую голову, чтобы за-

тем эту голову снести. Но мы не провокаторы несчастья» [Gütersloh 1918: 21]. В этой статье Гютерсло с сарказмом изобразил, как литераторы действительно добились обратного эффекта: они хотели стать духовными лидерами нового государства, но вновь оказались презируемыми со всех сторон: и со стороны консервативной прессы, и со стороны социал-демократии. Ситуация была использована против них, и их заклеямили как врагов общества [Fischer 1994: 28]. Установить союз с массами, стать лидерами и духовными вождями, сделаться субъектом истории в ноябре 1918 г. литераторам не удалось. За их революционным энтузиазмом стояли мотивы совершенно не политического характера, они выливались в вербальный радикализм, поэтические и утопические видения совершенно иной общественной практики. Но эта активистская составляющая австрийского экспрессионизма не реализовалась в реальную революционную или политическую борьбу, осталась в абстрактном русле «осуществления духа» (К. Хиллер) и не привела на баррикады «нового человечества» литераторов типа Э. Толлера. Активизм в Вене носил скорее духовно-аристократический характер, он не образовал «левое крыло» и не сумел установить настоящие отношения с политикой. Да и само понятие «политический» измерялось в Австрии «не аршином реальной политики» [Ibid.: 42]: основные так называемые политические концепты, разработанные активистом Р. Мюллером, вызревали в сугубо эстетических контекстах и были «призваны сломать принцип реальности в политике и его последствия в виде продолжения жизни отживших структур» [Ibid.]. Даже самые революционно настроенные журналы, такие как «Daimon» и «Der neue Daimon», демонстрировали характерные для австрийской литературы попытки синтеза социалистических идей с модернистскими эстетическими установками.

События ноября 1918 г. в Вене хотя и принесли Австрии социально-политические изменения, все же не стали для литераторов ни импульсом, ни продуктивной почвой для создания сколько-нибудь значительных произведений позитивного толка. Кратковременный политический энтузиазм писателей завершился весьма травматичным опытом, и практически вся левоинтеллектуальная часть этого поколения покинула Вену. Среди них были Г. Флеш-Бруннинген, А. Эренштейн, Й. Рот, Э. Киш, А. Броннен, А. Польгар, Б. Фиртель и др. Их стремления придать перевороту, следующему своей внутренней логике, черты революции сделали их, как считает Э. Фишер, «полезными идиотами» [Ibid.: 43] на службе дру-гих сил, а представления и действия «Красной гвардии» и «Политиков духа», весьма далекие от реальности, только закрепили этот статус. Климат Вены стал враждебным для писателей политической направленности и не допускал никаких возможностей воздействия на общество; последовала их «эмиграция» в другие литературные жанры, далекие от политики. Фатальными последствиями

краха революции для писателей стала «глубокая деморализация» [Fischer 1994]. Как замечает Э. Фишер, «поиск австрийского Эрнста Толлера не увенчается успехом» [Ibid.: 47].

Литература

- Гугнин 2008 — *Гугнин А. А.* Австрийский экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 25–29.
- Кудрявцева 2008 — *Кудрявцева Т. В.* «Вер!» // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 117–119.
- Никифоров 2009 — *Никифоров В. Н.* Франц Верфель // История австрийской литературы XX века: в 2 т. Т. 1: Конец XIX – середина XX века. М., 2009. С. 328–351.
- Bahr 1894 — *Bahr H.* Studien zur Kritik der Moderne. Frankfurt a. M., 1894.
- Benn 1996 — *Benn G.* Der Arzt // *Benn G.* Gedichte in der Fassung der Erstdrucke. Frankfurt a. M., 1996. S. 86–88.
- Fischer 1994 — *Fischer E.* Expressionismus — Aktivismus — Revolution. Die österreichischen Schriftsteller zwischen Geistpolitik und Roter Garde // Expressionismus in Österreich. Die Literatur und Künste. Wien; Köln; Weimar, 1994. S. 19–48.
- Glaser 1979 — *Glaser H.* Literatur des 20. Jahrhunderts in Motiven. München, 1979. Bd. 2: 1918 bis 1933.
- Hardekopf 1960 — *Hardekopf F.* Die Aeternisten. Erste Proklamation des Aeternismus // Literatur und Kunst 1910–1923. Eine Ausstellung des deutschen Literaturarchivs im Schiller-Nationalmuseum Marbach a. N. München, 1960.
- Kreuzer 1971 — *Kreuzer H.* Die Boheme. Analyse und Dokumentation der intellektuellen Subkultur vom 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1971.
- Müller 1912 — *Müller R.* Das Kompliment der Neuen // Der Ruf 1. 1912. H. 1. S. 2–4.
- Reiß 1918a — *Reiß L.* Zur Stunde: Manifest // Der Mensch 1. 1918. H. 11/12. S. 131.
- Reiß 1918b — *Reiß L.* Nachwort: Programmatischer Text // Der Mensch 1. 1918. H. 1. S. 16.
- Sonnenfeld 1918 — *Sonnenfeld K.* Ein Gruß an Friedrich Adler: Manifest // Ver! 2. 1918. H. 26/27. S. 357–360.
- Werfel 1967 — *Werfel F.* An den Leser // *Werfel F.* Das lyrische Werk. Frankfurt a. M., 1967.

ZUSAMMENFASSUNG

Der politische Expressionismus und „die Revolution der Schriftsteller“ in Wien 1918

„Die Suche nach einem österreichischen Ernst Toller muß ergebnislos bleiben. Das ‚gültige‘ Werk über die Revolution ist hier nicht entstanden“ — zu diesem Ergebnis kommt E. Fischer, indem er „die revolutionäre Situation“ in Wien 1918 charakterisiert. Im Unterschied zu Deutschland hat der Expressionismus in Österreich nach dem Ersten Weltkrieg keinen richtigen „linken Flügel“ entwickeln können, seine „politischen Konzepte“ haben den vorwiegend ästhetischen Tenor der Weltanschauung der österreichischen Künstler weder überwinden noch überwiegen können. Das sozialpolitische Chaos der zugrunde gehenden Monarchie hat für kurze Zeit diejenigen von ihnen, die glaubten, den Kampf um die neue Menschheit leiten zu dürfen, zur „Roten Garde“ hingetrieben, aber auf dem Boden der Literatur entstand daraus nichts.